

ЗАРПЛАТА

В те годы было не принято интересоваться зарплатой. Геологи по определению ездили в экспедиции «за туманом и запахом тайги».

В одном из рассказов Вересаева мальчик хотел стать шофером, но был уверен, что им за работу не платят деньги. На вопрос, почему он так думает, мальчик искренне ответил: «А за что платить?» Удовольствие езды на автомобиле уже было платой за работу.

Геологи как раз и относились к категории, которой зарплата выплачивается «туманом и запахом тайги». Особенно те, которые занимаются наукой. Я согласился бы на стажировку в Китае, даже без командировочных с перспективой жизни впроголодь, только ради впечатлений и приключений.

О размерах зарубежных командировочных я узнал буквально накануне отъезда. Для кандидата наук они составляли немногим более четырехсот долларов США в месяц. При тогдашнем официальном курсе – 69 копеек за доллар, это не превышало месячную зарплату старшего научного сотрудника, которая в те годы составляла более трехсот рублей. В переводе на китайские деньги наши командировочные превращались в астрономическую сумму – одна тысяча четыреста сорок юаней. Для сравнения можно заметить, что месячная зарплата ректора китайского университета в те годы не превышала ста сорока юаней. Даже стипендия наших студентов, ехавших совершенствоваться в китайском языке, составляла более шестисот юаней. Так что по китайским меркам мы были просто богачами.

Американцы из корпуса мира, преподававшие в те годы в китайских вузах английский язык, и те получали зарплату от китайского правительства в пятьсот юаней в месяц. А нам

зарплату выплачивала наша страна через посольство в Пекине. И впервые в жизни нам было стыдно перед китайскими коллегами называть цифру своей зарплаты.

Перед самым отъездом в Китай минимальная цена бутылки водки в Советском Союзе возросла до десяти рублей, и на мою месячную зарплату (за вычетом подоходного налога) можно было купить около двадцати бутылок самой дешевой водки. А если пересчитать наши командировочные на юани и китайскую водку, то я за месяц мог купить тысячу бутылок! Поневоле загордишься. А в попугаях-то я длиннее!

Но только немногие из нас имели представление о китайской водке, особенно те, кто впервые ехал в эту страну. Для начала нас просветили две преподавательницы китайского языка, которые ехали в нашем вагоне. Чувствовалась основательная теоретическая подготовка.

– Китайская водка называется Маотай, в честь городка Маотай в провинции Гуйчжоу, где она производится, – сообщила старшая из них сведения из Большой советской энциклопедии, – она считается «национальным и дипломатическим напитком» Китая. В современном Китае его называют «го-цзю» — государственным вином.

– А в давние века в маотай черпали творческие силы художники и поэты, – мечтательно добавила младшая преподавательница.

– Ну, вот, а нам пить не разрешают, и где мы будем черпать творческие силы? – уныло сказал кто-то из специалистов.

– Мужики, – не выдержал один профессор, который стажировался в Китае уже второй год и возвращался в пекинский университет из отпуска, – китайская водка это не русская, ее много не выпьешь.

Но мужики не сразу ему поверили. Тогда опытный профессор устроил в своем купе целый семинар, посвященный китайской водке.

– В Китае наиболее популярна рисовая водка Маотай, – с авторитетным видом стал рассказывать профессор. – Она бывает высокого качества, когда производится в промышленных условиях. Такую водку подают только на самых высоких приемах и вряд ли кто из вас ее попробует. На всякий случай сообщаю – она имеет желтоватый цвет и характерный запах рисовой водки и, клянусь, что по вкусу ее не отличить от обычной. Но в подавляющем большинстве водку изготавливают в кустарных условиях, выгоняя неочищенный рисовый или какой либо другой спирт, настаивают его на различных целебных травах, затем разводят водой до получения крепости в шестьдесят градусов и добавляют различные эссенции, чтобы отбить запах сивушных масел.

– Во всяком случае, после застолий и банкетов, на которых обычно бывает одна бутылка водки человек на десять, остается половина, – уточнил второй стажер, уже побывавший в Китае, – а у меня от эфирных масел жуткая изжога.

– Во время китайского застолья все пьют за здравие каждого присутствующего поочередно, сопровождая выпивку вместо привычного для россиян «будь здоров» выкриками «пей до дна», «гам бэй!» – продолжил профессор.

– Правильно говорить Гань бэй, – поправила его учительница китайского.

– Я как слышу, так и говорю, – обиделся профессор. – Отказаться выпить за чье-то здоровье – означает проявить бестактность. В крайнем случае, допустимо перевернуть рюмку вверх дном – это означает, что её хозяин не может продолжать наравне со всеми.

А по поводу крошечных как наперстки рюмок я рассказал анекдот:

«В финале чемпионата мира по выпивке соревновались двое – русский и француз. В последнем туре надо было выпить наполненные крепким напитком (на выбор спортсмена) наперсток, рюмку, фужер, бутылку и литровый графин.

Первым к снарядам подошел француз. Он пил коньяк. Выпил сначала наперсток, затем рюмку, фужер, бутылку и сломался, сделав несколько глотков из графина.

Вторым к снарядам подошел русский. Он пил водку. Фужер ему заменили привычным граненым стаканом. Сперва он выпил графин, затем бутылку, стакан и рюмку, а к наперстку даже не притронулся. Русского поздравили с успехом и заинтересовались, почему он не выпил наперсток.

«Меня еще отец предупреждал: «ты пей, пей, да меру-то знай!» – ответил журналистам чемпион, – а я такой меры не знаю!» – победитель указал на наперсток.

– Когда я служил в армии, – рассказал один специалист, – наш комбат выговаривал офицерам: «Ну, выпил литр, ну два, но напиваться зачем?»

– А наш ротный все время повторял: «Вот брошу пить, возьмусь за Вас!» – добавил другой специалист.

Мы пересекли границу и ехали по территории Китая. На одной из остановок профессор умудрился купить, на имеющиеся только у него одного юани, бутылку водки.

Мы закрылись в купе и на всякий случай заперли дверь.

– Теперь перейдем к практическим занятиям, – объявил профессор, откупоривая бутылку.

Из открытой бутылки распространился неожиданно сильный запах.

– Кто тут пьет китайскую водку? – послышался в коридоре раскатистый голос проводника.

Профессор заткнул бутылку и спрятал ее под стол. В дверь постучали. Преподавательница китайского, ловко затесавшаяся в мужской коллектив, открыла защелку, и в проеме нарисовался проводник. Стажеры со страхом уставились на него как нашкодившие коты. Проводник понюхал воздух, сказал: «Фу», и закрыл дверь.

– Ну, все, теперь он стукнут куда надо и нас этим же поездом отправят обратно, – уныло заключил один из стажеров.

– Не бойтесь, не стукнет, – успокоил всех профессор, – я с этим проводником уже третий раз еду. Во вторую поездку даже выпивали в его купе.

– А чего тогда он бегаёт по коридору и кричит?

– Намекает, чтобы и ему оставили.

– А как ее пьют, теплую или холодную? – заинтересовались мужики.

– Я слышала, что японскую рисовую водку sake даже подогревают, – опять встряла в мужской разговор преподавательница китайского языка.

– Ну, что, водку, теплую, будете? – профессор снова открыл бутылку. – Для пробы.

– Водку? Теплую?! Будем!!! – Решительно ответил за всех один стажер и поставил стакан.

Профессор плеснул ему немного водки и предупредил:

– Не забудь сказать волшебные слова.

– Какие? – не понял стажер.

– За которые нам разрешили выпить в виде исключения рюмку водки: «За Советско-Китайскую дружбу!»

– За Советско-Китайскую дружбу! – провозгласил стажер и глотнул из стакана.

Оказалось, что русскому человеку достаточно выпить теплой китайской водки, чтобы лицом стать похожим на китайца.

– Действительно, много не выпьешь, – стажер с трудом перевел дыхание.

Все тоже пригубили по глотку. От сивушных масел и паров эссенции перехватывало дух. Больше пить китайскую водку никому не захотелось и проводнику осталось половина бутылки.

– А теперь проведем демонстрационный опыт, – профессор достал пузырек с марганцовкой и немного насыпал в бутылку с водкой. После встряхивания появился бурый осадок, занявший половину уровня жидкости. – Видите, это осели сивушные масла – от них можно избавиться фильтрованием, а от эфирных масел эссенций таким способом избавиться невозможно.

– Зачем же вы испортили водку, – спросила преподавательница, – как же теперь проводник будет ее пить?

– Не волнуйтесь, у него все схвачено, отфильтрует. Кстати, это он меня и научил этому фокусу.

Измерение заграничных командировочных количеством бутылок водки произвело впечатление только на мужчин. Но и для женщин подходящее сравнение тоже нашлось. Профессор рассказал, что в Китае продается много шуб из собачьего меха и стоимость их разная. В больших универмагах и валютных магазинах продаются красивые отличного качества шубы из собачьего меха стоимостью более тысячи юаней. Но практически все остальные магазины завалены шубами кустарного производства плохого качества, сильно пахнущие псиной. Поэтому не следует спешить их покупать. Но зато стоят они около ста двадцати юаней, и кандидат наук может купить за месячную зарплату десять шуб. Так что и «в шубах» зарплата получалась не маленькая».

– Уж если покупать, то дорогую шубу, – авторитетно заявила преподавательница китайского.

– Женщина в своей жизни тоже должна успеть сделать три дела, а не заикливаться на дорогой шубе, – не менее авторитетно заметил профессор.

Он также рассказал, как один специалист, заядлый рыбак купил себе роскошный меховой полушубок для зимней рыбалки. Но мех для полушубка скорняки – китайцы, вероятно, взяли от сук. И когда специалист был на родине в отпуске, то на зимней рыбалке в этом полушубке вымок под мокрым снегом. А русские кобели из соседней деревни, учуяв запах китайских сук, собрались вокруг него толпой, и он отгонял их ногами. Но один все же успел справить малую нужду на пахучего рыбака.

И вот, наконец, мы в Пекине. Стажеры с чемоданами вышли на привокзальную площадь. Но по нашей российской традиции нас никто из посольства не встречал. Стажеры, которые вернулись из отпуска, побежали звонить в посольство. Только через два часа к нам приехал какой-то референт и объявил, что министерство высшего образования не успело известить посольство о приезде семидесяти специалистов. Поэтому ничего не готово к нашему приему, автобусов нет, общежития не заказаны.

Во все времена и во всех странах бюрократы представляют собой касту дармоедов. Они всегда сильно заняты чем угодно, кроме своей основной работы. Несколько часов мы провели у вокзала на изнуряющей жаре, проклиная бюрократов на чем свет стоит. Денег ни у кого еще не было и все страдали от жажды.

В посольстве нам выдали командировочные только за пятнадцать дней и предупредили, что следующая зарплата поступит лишь через два с половиной месяца и, если экономить, этого нам вполне хватит на пропитание. Один

стажер экономист предположил, что наши денежки за эти два месяца можно положить под хорошие проценты в какой-нибудь коммерческий банк.

– Может быть, так нужно для дела, – возразил ему другой стажер.

– А я, разве, против? – смутился экономист.

В научном отделе посольства сообщили, что на стажировку меня принимает уханьский геологический университет, и мне надо, как можно скорее, выехать в город Ухань провинции Хебей. Я сильно подозревал, что, несмотря на заверения чиновников посольства, в Ухани меня никто не встретит и попросил написать название института китайскими иероглифами на обложке словаря. Это звучало как «диджисиюань».

На другой день мне вручили билет в плацкартный вагон, и я пешком отправился на вокзал. Попытки объясниться с китайцами на английском языке успехов не имели. Но смекалка для геолога верная помощница. Я показывал железнодорожный билет и говорил: «Ухань». Потом терпеливо выслушивал длинное объяснение на китайском, и повторял заветное слово. В конце концов, китайцы понимали, что мне надо показывать, а не рассказывать. Так я оказался в своем вагоне и занял верхнюю полку.